

Викторія Вонкова
ЗАМУЖ.
ЗА СВОДНОГО!

Виктория Борисовна Волкова

Замуж. За сводного!

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68495714

Аннотация

Я беременна от сводного брата. Но свадьбы не будет. Он – влиятельный бизнесмен, чье слово на вес золота. Я – бедная родственница в богатом семействе. Девочка, которую приютили из жалости.

Пять лет нам удавалось хранить нашу связь в тайне от всех, а теперь он вынужден жениться на другой.

Содержит нецензурную брань

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	43
Глава 8	48
Глава 9	54
Глава 10	60
Глава 11	66
Глава 12	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Виктория Волкова

Замуж. За сводного!

Глава 1

Тимур

– Я передумала бросать букет! Он достается Любе. Пусть ее любимый сделает ей предложение, и мой будущий племянник родится в полной семье! – кричит невеста.

С ужасом наблюдаю, как нарядный веник переходит из одних рук в другие.

«Что? Какого? Люба беременна? И почему я об этом узнаю только сейчас?» – не сразу срабатывает в башке зажигание.

В упор смотрю на обалдевшую сводную сестру. Она смущенно улыбается собравшимся, не решаясь повернуться в мою сторону.

Одной рукой придерживает проклятый букет, а другой инстинктивно прикрывает плоский живот. Длинные светлые волосы уложены в причудливую прическу, а в глубоком декольте вечернего темно-синего платья виднеется налитая грудь.

Откладываю в сторону вилку. А то, не дай бог, швырну вместо дротика в какую-нибудь довольную морду. Народ весело переговаривается. Поздравляет. Но только двое в этом зале знают правду.

Ребенок мой!

И я не собираюсь от него отказываться.

Может, встать и радостно признаться в отцовстве? У многих челюсти выпадут. Но нельзя. Никаких резких движений. Через месяц назначена моя свадьба с Лейлой Алимовой.

И что теперь с этим делать, твою мать?!

Краем глаза наблюдаю за своей мамашей и отцом Любы. Сладкая парочка взволнованно шепчется, стараясь общими усилиями переварить новость.

«Представляю, как вытянутся ваши рожи, когда узнаете подробности, – усмехаюсь зло. Задерживаю дыхание, ощущая, как меня обуревают непривычный микс счастья и ярости.

Люба, коза моя любимая! Что же ты устроила?!

Пальцы сами собой сжимаются в кулак. Вдарить бы сейчас в стену. Перевести дух. Слить зашкаливающие эмоции.

Какого хрена о собственном ребенке я узнаю во время дурацкого шоу?

Ошалело гляжу на остатки торта, лежащие на моей тарелке. Отличная выпечка от известного кондитера. Но, ей богу, мне сейчас кусок в горло не лезет. Неспешно поднимаюсь из-за стола, стараясь ничем не выдать себя.

Свадьба заканчивается. Гости разбредаются кто куда. Большинство выходит на террасу поглазеть, как молодые целуются среди огромных бенгальских огней. А потом, взявшись за руки, медленно бредут во тьму.

Мне этот фарс не интересен. Ищу глазами Любу. Нужно поговорить. Немедленно!

И заметив какое-то движение в опустевшем зале, резко разворачиваюсь. Моя девочка, схватив клатч и букет, быстрым шагом выходит прочь.

– А поболтать, милая? – хмыкаю себе под нос, устремляясь следом. Но не успеваю на долю секунды. Дверца машины захлопывается, и такси срывается с места.

Кто-то решил удрать и заранее вызвал тачку.

– Хороший ход, Любовь моя! Очень хороший, – цежу, ощерившись. И готов убить каждого, кто встанет у меня на пути.

Прыгаю за руль Рэнджа. Бью по газам. Хорошо хоть весь вечер я пил яблочный сок, выдавая его за виски. Ярость колотится в груди. Пальцы со всей силы сдавливают кожаную оплетку руля, а шестеренки в мозгах проворачиваются с утроенной силой. Как, блин, с минимальными затратами выпутаться из навязанного мне брака и жениться на любимой?

«О чем ты думал, папа, когда подписывался на мой брак с девочкой из рода Алимовых?» – вопрошаю, поднимая глаза к нему. Вопрос риторический. И на него нет ответа. Двадцать лет назад отцу требовалась поддержка, и он ее обес-

печил. Красивый тактический ход – одной росписью убрать всех врагов и конкурентов.

Вылетев на трассу, всматриваюсь в огни впереди идущих машин. Благо в пределах видимости тащится только мусоровозка, а чуть поодаль рвется в город Любино такси.

Топлю педаль газа в пол до упора и, догнав тачку, прижимаю к обочине. Водитель тормозит не сразу. Пытается уйти. Но я не оставляю шансов, выдавливая Рено с дороги.

Куда тебе против танка, суслик?!

Вижу рассерженное лицо мужика и обалдевшую от моего напора Любу. Она что-то кричит водителю. А тот, усмехнувшись, бьет по тормозам. Машина останавливается. А я на всякий случай ставлю Рэндж раком. Перегораживаю любые пути к отступлению. Не заглушив двигатель, несусь к такси. Рывком распахиваю заднюю дверцу и, встретившись с растерянным взглядом Любы, улыбаюсь хищно. Беру узкую ладонку в свою.

– Приехали, Любовь моя. Выходи. Нужно поговорить...

– Вы его знаете? – напряженно спрашивает водитель.

– Да, – лепечет Люба, хватаясь за мою руку. – Это мой...

– Муж, – рывкаю в бешенстве и, вытащив девчонку из тачки, крепко перехватываю запястье.

– Я никуда не сбегу, – жалостливо бормочет она. – Что ты устраиваешь, Тимур? Завтра бы поговорили.

– Садись в машину, – разжимая пальцы, прошу сипло. И даже сам не понимаю, как удастся сдержаться и не приду-

шить вероломную девицу.

Как чумовой, вдыхаю ее запах. Жадно провожу ладонью по спине и бедру. И чуть с ума не схожу от легкого прикосновения.

Что же ты со мной делаешь, Любушка?

Смахиваю с башки капли внезапно начавшегося дождя и уже собираюсь сесть в машину, когда водила окликает меня.

– Командир! Букет забыли!

– Давай сюда, – рычу, срываясь на постороннем человеке. Зря. Любе бы надавать по заднице этим веником. А нельзя. Я боготворю эту женщину. Всегда боготворил...

– Зачем ты его забрал? – скулит она жалобно.

– Приметы должны сбываться, малыш, – поворачивая ключ зажигания, огрызаюсь зло. – Заполучила букет невесты, будь добра, выйди замуж.

Люба

– Ребенок мой, – не спрашивает, а утверждает Тимур.

Не принял за продажную девку, и на том спасибо. Вижу, как на холеном слегка небритом лице играют желваки. Замечаю хмурую складку на лбу и сцепленные челюсти.

– Почему сразу не сказала? – бросает отрывисто и, заведя мотор, резко нажимает на газ. Рэндж словно подпрыгивает на пустой дороге. По лобовому стеклу хлещут косые капли дождя.

– Не гони, – прошу, сжавшись в комок.

– Я задал вопрос, Люба, – резко напоминает мой сводный брат.

Пытаюсь собраться с мыслями. Нет ни одной связной. Сплошной раздрай в голове. Но и без моего ответа все ясно. Давно предопределено.

Манучаровы должны породниться с Алимовыми. Деньги к деньгам. И за Тимура все давным-давно решил отец. Гореть ему в аду! А я... бедная родственница. Местная Золушка. Какой с меня толк?

– Почему молчишь? – Тимур косится на меня настороженно.

– А что говорить? – всхлипываю я. – Все и так понятно! Я тебе совершенно не пара! Ты должен жениться на Лейле Алимовой...

– Должен. Был, – хмуро бросает Тимур и спрашивает раздраженно. – Когда мы встречались на прошлой неделе, ты знала? Говори! Не выводи меня...

Рэндж снова съезжает на обочину. Глохнет двигатель. Чуть развернувшись, Тимур впивается в меня строгим колючим взглядом.

– Да, – лепечу, всхлипывая.

– Почему промолчала? – рявкает Тимур.

– Ты опоздал, помнишь? – шепчу тихо. – Я хотела хоть напоследок урвать немножко счастья...

– Урвала? – горько усмехается он. – А когда планировала

сообщить мне?

«Никогда! Никогда», – набатом бьется в башке шальная мысль.

– Мы прощались той ночью. У меня язык не повернулся... Тимур! Я просто не смогла! – рыдаю, срываясь на крик.

Крепкие руки притягивают меня к себе. Жесткие губы покрывают мое лицо поцелуями.

– Твою мать, Люба! Еще в прошлый вторник я мог бы уладить все без проблем. Никакой помолвки бы не было. А сейчас у Лейлы на пальце мое кольцо. Ты понимаешь, как отнесется к отказу Алимов?

– Не стоит из-за меня наживать врагов, – поднимаю на него глаза, полные слез. – Я никому не скажу, Тимур... Будешь помогать нам... Справлюсь как-нибудь...

– Не мели чушь, – отстраняется он. Яростно бьет по рулю. – Мы поженимся, чего бы мне это ни стоило. Ребенок должен расти в родной семье.

– А как же Лейла?

– Я все улажу, не беспокойся, – хрипло заверяет меня Тимур.

– Как? Они грохнут тебя и меня! – кричу в отчаянии. – Я боюсь, Тим! Пожалуйста, давай оставим все как есть.

– Нет! – ощерившись, бросает он и, тяжело вздохнув, снова заводит машину. Осторожно трогается с места и, выехав на пустую ночную трассу, не спеша едет в город.

– Почему так медленно? – спрашиваю, косясь на спидо-

метр, стрелка которого застыла на цифре шестьдесят.

– Я везу беременную жену, – усмехается Тимур и, заметив, как по моему лицу пробегает судорога боли, рыкает отрывисто. – Или ты не хочешь за меня замуж?

Конечно, хочу!

Реву, даже не пытаясь сдержаться. Но я никогда не мечтала об этом. Не смела. Всегда знала, что Тимур принадлежит другой. И никогда не думала о нем, как о будущем муже. Просто не могла! Не имела права! Довольствовалась нашими тайными свиданиями и с ужасом ждала предстоящей свадьбы любимого. Знала точную дату, когда моя жизнь разлетится вдребезги, и не достанет сил собрать осколки.

– Люба? – отвлекаясь от дороги, косится на меня Тимур. Но я не могу сказать даже слова. Реву, отворачиваясь к окну. Смотрю сквозь пелену слез на размытые капли дождя, стекающие по лобовому стеклу, и тихонько скулю от безысходности.

Время от времени чувствую на себе взгляд любимого. Он молчит, лишь включает музыку. Но вместо излюбленного Тимуром рэпа из колонок льется красивая песня. Незвестный бард поет о любви. Такой несбыточной и прекрасной.

А когда от яркого городского освещения начинает слепить глаза, словно незрячая, открываю на ощупь клатч, судорожно зажатый в руках. Дрожащими пальцами достаю салфетку, осторожно вытираю глаза.

И как только машина замирает на первом попавшемся

светофоре, тяжелая мужская ладонь ложится на мою коленку. По-хозяйски движется вверх по бедру.

– Люба, – хрипло зовет меня Тимур. – Я люблю тебя. Всегда любил...

– Я тебя тоже! – хватаюсь за руку. Повинуясь инстинкту, утыкаюсь лбом в мускулистое предплечье. И как только машина трогается, подаюсь назад. Стукаюсь затылком о высокий подголовник и, повернувшись к Тимуру, замечаю легкую улыбку на суровом лице.

– Справимся, Любушка, – отрывисто бросает он. – Главное, мы вместе. Остальное, фигня вопрос. Понимаешь?

– Нет! – мотаю головой от отчаяния. – Не понимаю, Тимур! Весь мир сразу восстанет против нас. Наши родственники, друзья и даже родители. А проклятые Алимовы объявят войну. И не успокоятся, пока не получат наши скальпы. А наш ребенок останется сиротой. Ты этого хочешь?

– Да все нормально будет, Люба, – раздраженно отмахивается от меня любимый. – Ну, поморщат родаки ж. пы... Подумаешь! А с Алимовым я порешаю.

Глава 2

Тимур

– Приехали, – заезжая в открытые ворота подземной парковки, бросаю коротко. Нетерпеливо щелкаю пультом, отворяющим мой личный отсек.

– Погоди, – велю собравшейся выйти Любе. Она кивает. Сидит, покорно свесив голову. Другая бы радовалась, что все решилось в ее пользу. Но только не моя умненькая девочка. Я и сам понимаю, что придется трудно. И может, проще пойти по накатанной. Спрятать любимую где-нибудь в укромном уголке Европы. Приезжать к ней втихаря.

Но нет! Я категорически против! Мой ребенок должен занимать свое законное место по праву рождения. И любые недомолвки и тайны могут только навредить. Тот же Алимов не сразу, но все узнает. Поэтому выход один. Переть напролом и послать всех в гребаный сад.

Обойдя машину, распахиваю дверцу. Подхватываю девочку на руки и осторожно ставлю на землю.

Провожу ладонью по жестким от лака волосам. Легонько касаюсь пальцами шеи, пробегая подушечками по каждому позвонку. Впиваюсь в рот жадным поцелуем, словно печать

ставлю.

Моя. Только моя!

Люба задыхается в моих объятиях. Прижимается сильнее, отвечая на поцелуй.

«Посади ее на капот», – проносится в башке шальная мысль.

«Ты совсем с катушек слетел?» – останавливаю сам себя. И взяв любимую за руку, веду к персональному лифту.

Этот жилищный комплекс, состоящий из трех многоэтажек и соединенный подземной парковкой, строился моей компанией и с учетом моих предпочтений. В соседнем доме живут мать с Андреем, другие родственники. Я же занимаю пентхаус на одиннадцатом этаже. Кроме десяти комнат, тут еще бассейн в центре квартиры, три террасы и самое главное, потайная лестница, ведущая на этаж ниже, прямиком в Любину однушку.

Немного фантазии и кипа документов о неразглашении позволили нам, никого не ставя в известность, проводить вместе все свободное время.

Конспирация, твою мать!

– Тимур, я хотела бы вернуться к себе. Хочу побыть в одиночестве... – жалобно скулит Люба, стоит мне нажать на кнопку вызова лифта.

– Обойдешься, – отмахиваюсь легко. – Не захочешь спать со мной, ляжешь в гостевой. Но я не намерен тебя отпускать, дорогая. Не собираюсь потом искать по всей планете.

– Тим, пожалуйста, – шепчет она, наблюдая, как, войдя в серебристую кабину, я прикладываю электронный ключ к кнопке пентхауса.

– Нужно заблокировать тебе выход на десятом этаже, – смеюсь я, притягивая девчонку к себе.

– Очень смешно, – как ежик фыркает она и в порыве чувств кидается ко мне. Утыкается лицом в грудь, обнимает за талию.

– Тим, пожалуйста, – умоляет еле слышно. Поднимает на меня полные слез глаза. – Ничего хорошего не выйдет... Давай оставим все как есть.

– Уже не получится, Люба, – выходя из лифта, привычно кладу ладонь на упругую задницу. – Сейчас еще можно договориться с Алимовым и отделаться малой кровью. Если потом правда вылезет наружу, нас ждет большая беда. Поэтому перестань приносить себя в жертву, моя хорошая, и делай, как я велю.

Люба дергается, будто от удара. Видимо, понимает, что игра в подпольщиков только усугубит наше положение.

Умненькая девочка!

– Тогда я первая в ванную, – вздыхает она, на ходу придумывая мало-мальски правдоподобный предлог, чтобы остаться в одиночестве.

– В квартире три ванных комнаты. Выбирай любую, – усмехаюсь, прижимая девчонку к стене в прихожей. Тяну вверх тонкую ткань платья. Нависая, привычно задираю по-

дол. Развожу в стороны бедра.

– Я даже рад, что так получилось, – выдыхаю хрипло. Впи-
ваюсь в губы долгим поцелуем. Одним пальцем стягиваю с
плеча бретельку платья. Прокладываю языком влажную до-
рожку по шее и замираю с недовольной гримасой, когда в
кармане брюк дребезжит сотовой.

Мать вашу, кто это?

Выуживаю айфон и недовольно морщусь. Мама!

– Да, слушаю, – бурчу, выпуская из захвата разочарован-
ную Любу.

– Тимочка, – ласково тараторит маман. – Ты уехал, не по-
прощавшись. Анатолий Иванович хотел с тобой поговорить.
Тетя Софа тоже. И у организатора свадеб были вопросы...

– Да тут нарисовались срочные дела, мам, – отвечаю как
можно нейтральней.

– Дела-а? – охает мамаша и добавляет озабоченно. – Что-
то важное?

– Да, очень, – киваю я скупно, намереваясь как можно
быстрее закончить разговор.

Делаю шаг к Любе. Обнимаю, касаясь губами шеи. Зажав
айфон между плечом и ухом, медленно тяну вниз язычок
змейки. Зачарованно наблюдаю, как платье плавно сосколь-
зает на пол, и пропускаю тот момент, когда маман резко пе-
реводит разговор на обсуждение моей любимой.

Все, что ни делает Альбина Манучарова, она делает без-
укоризненно. Как идеальная мать, одаривает меня дикой, по-

чти слепой, необузданной любовью. Обожает Милану, мою младшую единоутробную сестру. С грацией гетеры позволяют мужу любить себя. И так же самоотверженно, как и положено настоящей мачехе, ненавидит падчерицу.

– Ладно, ты по делам, – вздыхает театрально мамаша, даже не задумываясь, какие дела могут быть в два часа ночи. Я же не врач и не спасатель хренов! – А Люба – мерзавка такая, тоже укатила. Даже не попрощалась с нами. Не объяснилась. Такое позорище! Мы с отцом чуть под землю не провалились, когда слышали о ее беременности. Может, ты поручишь безопасникам найти этого... ее мужика. Надавишь на него хорошенько... Выдать бы замуж эту дрянь и забыть, как выглядит...

Люба слышит каждое слово и, осторожно высвободившись из моих объятий, отходит в сторону. Поднимает платье, собираясь его надеть и уйти.

Фигушки, Любовь моя!

Аккуратно вынимаю шелковую тряпку из трясущихся рук. Закидываю себе на плечо.

– Мам, – сохраняя остатки терпения, замечаю в трубку. – Какого ты к ней привязалась? Займись своими делами...

– Тебе легко говорить, – причитает мать. – Отец звонил ей. Поехал следом. А она домой еще не возвращалась. Консьерж доложил, что мимо не проходила. С этой девчонкой никогда не бывает все гладко. Какая-то она проблемная...

Выдыхаю, стараясь не нахамить, и краем глаза наблюдаю

за Любой. Обхватив себя обеими руками, подходит к огромному панорамному окну. Задумчиво глядит на ночные огни города. А по щекам бегут слезы.

И тут меня накрывает. Какого хрена, вообще?

– Мам, да все нормально, – убеждаю совершенно спокойным голосом. – Люба здесь. Не беспокойся...

– Где здесь? – настороженно ухает мать.

– У меня, – усмехаюсь с издевкой.

– А что она у тебя делает? Тимур, отправляй ее домой. Тебе нельзя сейчас якшаться с кем попало...

– Спокойной ночи, мам, – цежу, обнимая Любу. Утыкаюсь носом в голое плечо любовницы. – Уже поздно. Мы ложимся спать.

– Кто мы? – не унимается маман и даже икает от неожиданности. – Подожди, так это...

– Завтра обсудим, – отрезаю грубо.

– Я сейчас приду, Тимур! Это какое-то безобразие! Не дай себя опутать...

Нажимаю на кнопку отбоя и, услышав трель домофона, быстро возвращаюсь в прихожую. Отключив пиликающее устройство, набираю консьержа.

– Ко мне никого не впускать, – прошу, стараясь сохранить остатки спокойствия.

– Тут ваша мама и Андрей Палыч, – бодро сообщает тот.

– Пусть валят к себе, – отмахиваюсь я и, откинув айфон на стеклянную консоль, медленно бреду к Любе.

И в который раз наслаждаюсь увиденным. На фоне ночного города ее идеальная фигура кажется темной. Жадно зыркаю на длинные ноги и залипаю взглядом на упругих ягодцах.

– Люба, – шепчу, подходя вплотную. Тяну вниз белоснежную кружевную полоску стрингов.

– Зачем ты ей сказал? – порывисто спрашивает девчонка. – Твоя мама меня не любит.

Не любит? Мягко сказано. Ненавидит – подходит больше. Терпит, не желая ссориться с мужем.

– Пусть привыкает, – зло роняю я и, подхватив Любу на руки, тащу к бассейну.

– Я сама! Не бросай! – вопит она.

– Я тебя никогда не брошу, – выдыхаю хрипло и, поставив на ноги, легонько шлепаю по заднице. – Нужно освежиться после этой дурацкой свадьбы.

На ходу стаскиваю с себя вещи и, оставшись в костюме Адама, беру любимую за руку.

– Прыгаем. На счет три, – бросаю привычно.

И когда над моей башкой сходится водная гладь, ощущаю себя самым счастливым сукиным сыном в мире.

Глава 3

Люба

Когда я вынырываю, волосы мокрой паклей свешиваются на бок. Фыркаю, делаю глубокий вдох. И тут же словно стальная стена прибывает меня к бортику.

Тимур!

По радостному лицу сбегает капли воды. Руки врезаются мне в плечи мертвой хваткой, а крепкое колено уже разводит в сторону мои бедра.

– Ты счастлив? – уворачиваюсь, когда он тянется с поцелуем. Тимур замирает на секунду, обдумывая услышанное.

– Абсолютно, Люба! – смеется, довольный, и шепчет, проводя по моей щеке пальцами. – Я женюсь на любимой женщине. И у нас будет ребенок. Как думаешь, этого достаточно для счастья? – обжигает горячим дыханием. – Я даже не мечтал никогда. Запрещал себе думать...

– Я тоже, – киваю, глотаю слезы. Подпрыгнув, обвиваю руками шею. Лепечу, сбиваясь на плач. – Ты мой? Мне и сейчас подумать страшно!

– Привыкай, – хрипло бросает он и хохочет счастливо. – Повторяй ежедневно как мантру.

Сильные руки тут же приподнимают меня, насаживая. Крепкий торс прижимает вплотную к бортику.

– Люба, – выдыхает Тимур, задавая быстрый темп. – Теперь ты моя. Навсегда!

Зажмуриваюсь, чтобы не разреветься. Принимаю любимого, подстраиваясь под его бешеный ритм. И закрыв глаза, пытаюсь остаться в реальности. Просчитываю в голове варианты. Но ни один не сходится.

Для отца я обуза. Альбина меня терпеть не может. Милана, моя единокровная сестра, сегодня вышла замуж и укатила в свадебное путешествие. Мне неоткуда ждать поддержки. Только Тимур – моя единственная опора и защита.

«Пацан сказал, пацан сделал», – приходит на ум любимая присказка Манучарова.

Да и здравый смысл предлагает не заморачиваться.

«Расслабься. Доверься Тимуру!»

Отпускаю прочь тревоги и волнения. Выгибаюсь дугой, чувствуя, как накатывает дикая эйфория.

Оргазм одновременно накрывает нас с головой. В эти моменты я остро чувствую Тимура. Ощущаю, как спадает напряжение у него в мышцах. Становится спокойным лицо, искаженное гримасой во время страсти. Хищный зверь расслабляется, лишь на минуту становясь ручным котенком. А потом снова обретает прежнюю силу.

– Пойдем в постель, ты замерзла, – бурчит Тимур, подхватывая меня покрепче. Выйдя из воды, тут же ставит на

пол из черного дерева. Тянется к длинной полке, где рядками лежат свернутые полотенца. Быстро разворачивает одно и накидывает мне на плечи.

Кутаясь в теплую махровую ткань, натываюсь на свое отражение в зеркале. Волосы сбились в один жуткий колтун, остатки туши растеклись по щекам.

И в эту женщину влюблен великий Манучаров? Весьма сомнительно, чтобы быть правдой.

– Ложись, – шепчу я, ладошкой растирая на широкой накачанной груди Тимура капли воды. – Мне нужно помыть голову. Иначе утром придется побриться налысо, – улыбаюсь невесело.

– Только быстро, – недовольно бухтит Тимур. – Мне без тебя плохо спится.

– Постараюсь, – приподнявшись на носки, целую Тимура в губы. Тяжелая ладонь отвешивает мне легкий шлепок, придавая ускорение.

Улыбаясь, несусь в ванную. Огромная комната, выложенная черным мрамором, кажется чужой и мрачной. Даже зеркала в темноте отливают зловещими бликами, словно предупреждая беду.

Вздрагивая, включаю светильники над раковиной. По комнате сразу разливается мягкий и теплый свет. Включаю еще торшер, стоящий неподалеку от мраморной ванны. И наблюдая, как из широкого никелированного крана в белоснежную емкость хлещет вода, со страхом думаю о завтраш-

нем дне.

Встречи с папашей и его женой вряд ли удастся избежать. Альбина привыкла переть как танк. И Тимуру ее не остановить. Небось, начнет стыдить, а отец будет смотреть стеклянным взглядом сквозь меня и не проронит ни слова.

Низкий дешевый человек.

Сажусь в ванну и, включив душ, пытаюсь тщательно намочить волосы. Раздираю пальцами липкие пряди и реву от бессилия. Сколько лет прошло, но я до сих пор не могу свыкнуться с папашиним предательством. С тем, как он лихо переступил через мою маму и на всех парах понесся к Альбине.

Говорят, внезапный развод – самое ужасное, что может случиться с человеком. Даже смерть не так страшна, честное слово!

Вот еще полчаса назад наша семья мирно ужинает на кухне. Мама, смеясь рассказывает, как прошел день. Отец жует отбивную и довольно кивает. А потом моет посуду, чмокает маму в висок и говорит как ни в чем не бывало.

– Я ухожу, Юля.

Мама сначала не понимает. Застывает около открытого холодильника с кастрюлькой в руке.

– Куда? – спрашивает, улыбаясь. – Люба уже погуляла с Тобиком...

– К Альбине, – отрывисто бросает отец и, совершенно меня не стесняясь, добавляет грубо. – Она ждет ребенка. Уже извелась вся. А ты тут сама справишься.

– Как? Почему? – вздыхает мама, оседая на пол вместе со злосчастной кастрюлькой.

– Только не начинай, – морщится отец. – Мы уже все решили...

– Кто мы? – охает она, сидя на полу в кухне. И до меня тогда не сразу доходит, что у нее отказали ноги, и она просто не может подняться.

– Я и Альбина, – презрительно бросает отец и, не взяв ничего из вещей, напоследок хлопает дверью.

Я много раз в голове прокручиваю эту сцену. Стараюсь не забыть ни малейшей детали. И каждый раз вспоминаю, как тяну маму.

– Давай, поднимайся! Пожалуйста! – плачу от бессилия.

– Ноги. Я не могу, Любочка. Позвони бабушке, пожалуйста!

Бабушка вызывает скорую, которая, разрезая сиреной засыпающий город, увозит маму прочь от меня.

– Только бы она поправилась, – реву тоненько, уткнувшись в грудь деда. Сильные рабочие руки несмело прижимают меня к себе.

– Все обойдется, Любушка, – шепчет он растеряннo. Гладит по голове. Пытается отвлечь от печальных думок какой-то очередной байкой. И мне, шестилетней девчонке, от его чуть хриплого голоса и от знакомого, въевшегося под кожу запаха крепких сигарет на душе становится легче.

– Ты там уснула, что ли? – слышится от двери недоволь-

ный голос Тимура. – Сколько можно, Люба? Я тебя жду.

Вздрагиваю, словно меня застали на месте преступления. Сколько времени я так просидела? Десять минут или два часа? Трудно сказать. Смаргивая слезы, без зазрения совести пляжусь на голого Манучарова. Накачанный торс с кубиками, длинные крепкие ноги, широкая грудная клетка.

Да куда там мраморному Аполлону до моего Тима?! Если кто и похож на настоящего древнегреческого бога, так только он!

Ни минуты не сомневаясь, Тимур залезает ко мне в ванну.

– Это какие-то ритуальные омовения? – спрашивает, усмехаясь.

– Никак промыть не могу, – жалуясь, протягивая сквозь пальцы мокрую блондинистую прядь.

– Давай помогу, – предлагает Тимур и, забрав из моих пальцев головку душа, заговорщицки шепчет. – Ты мне доверишь?

Глава 4

Тимур

Больше всего на свете я терпеть не могу вот эту мраморную ванну на бронзовых львиных лапах. Узкая выпендренная зараза, хоть и произведение искусства! Любе она запала в душу с первого взгляда. Аж вскрикнула, когда в каталоге увидела. Я и купил, желая порадовать.

– А как же конспирация? – вскинулась тогда моя умная девочка. – Твоя мама сразу обо всем догадается.

Да, Альбине Манучаровой трудно навесить лапши на уши. Она прекрасно знает цену такой эксклюзивной вещи, которая Любе даже со скидкой не по карману.

Вот и пришлось установить у себя. Хотя сам предпочитаю двухместное джакузи. Но в нем я хоть помещаюсь полностью! А здесь колени торчат над бортиком. А спина затекает от неудобного наклона мраморных стенок.

Но чего ни вытерпишь ради любимой. Оттащить бы ее в джакузи и там хорошенько покувыркаться. Хотя за окном ночь, и с утра навалится много дел. Поэтому пока не затекла спина, нужно промыть Любины мягкие как шелк волосы и отнести ее в постель.

О коленях я стараюсь не думать. Меня сейчас больше волнует другая, более напряженная часть тела.

Люба сидит между моих ног. Трется спиной о мою грудь и пытается руководить процессом.

– Не ерзай, – шепчу угрожающе. Зарываюсь пальцами в мыльные от шампуня пряди. Осторожно массирую голову.

– Сейчас улечу, – шумно выдыхает Люба.

– Подожди, птичка, – смеюсь я. – А то полетишь в мыле.

– Конечно, – лениво тянет она и, стащив с волос немного пены, мажет мне колени. А головой ведет по плечу. – Тебе не мешало помыться!

– Я такой грязный, Люба? – хохочу, намыливая девчонке грудь и живот. – Сейчас я кого-то помою, как маленькую!

– Нет, мужчина, – отмахиваясь от моих рук, довольно фыркает она. – Мы договаривались только на мытье головы. – Быстро отстраняется и, выскочив из ванны, на цыпочках бежит в душевую, оставляя после себя лужицы на полу.

– Не упади! – ору, подрываясь с места.

С трудом выбираюсь из мраморной пыточной и на затекших ногах бреду следом.

– Ты как старый дед хромаешь, – веселится Люба, становясь под тяжелые струи африканского душа. – Иди сюда, Тимур. Помой тебя, как малыша.

– Да что ты, девочка? – рыкаю, прижимая ее к мраморной стене. – От меня не убежишь...

– Я и не собираюсь, – Люба показывает мне язык и, обвив

руками шею, а ногами – торс, зарывается пальцами в волосы. – Тиму-у-ур, мур-мур-мур, – напевает довольно.

Никто и никогда не произносит мое имя как она. Да я с ума схожу, когда слышу это мурчание. И готов просто сдохнуть от счастья.

– Какой срок? – спрашиваю, когда, вернувшись в постель, Люба укладывается поудобней в кольцо моих рук.

– Восемь недель, – приподнимается она на локте.

– Спи уже, – довольно чмокаю в нос. И сам закрываю глаза.

Но сон не идет. Прислушиваюсь к дыханию Любы. Моя девочка спит после долгого дня. И боюсь пошевелиться, чтобы не разбудить. Осторожно кладу руку на живот и пытаюсь осознать новую реальность.

У нас будет ребенок. Как вообще в плоском накачанном Любином животике умудрился поселиться малыш? Какой сейчас он? С семечку или с горошинку? И как женщина ощущает, что уже не одна?

От наивных вопросов кружится голова. Улыбаюсь собственным мыслям. Представляю, как возьму на руки новорожденного сына или дочь. Как наконец-то смогу во всеуслышание назвать Любу своей...

И неожиданно вижу перед глазами разгневанную морду Рината Алимова. Дергаюсь от неожиданности и, осторожно переложив любимую, сажусь на кровати. Тру лицо, переносицу, пытаюсь понять, какого хрена мне привиделась эта злая

гиена. Неужели что-то пронюхал? И готовится к войне.

«Нет! Откуда? – отмахиваюсь от глупых мыслей. – Я сам только узнал. Еще никто ни о чем не догадывается!»

Закрываю глаза, пытаюсь сосредоточиться. Нужно что-то решать! И побыстрее!

Осторожно поднимаюсь с кровати и, ступая босыми ногами по теплому деревянному полу, на ходу накидываю халат. Бреду в кабинет и, открыв в ноутбуке программу «Мастер Майнд», начинаю рисовать самую простейшую схему. В центре большой квадрат – «Алимов», рядом поменьше – «Лейла». Напротив каждого пишу вопросы. Любые, которые приходят в голову. Уже к утру понимаю, как мне действовать.

Основной план прост, как труселя за рупь десять. Прийти к Алимову. Подарить крупный бриллиант каратов так на двадцать. Старик ценит хорошие камни. Повиниться, как перед родным отцом. Люди такого уровня любят, когда к ним приходят с поклоном.

А пока я буду низко кланяться и строить из себя блаженного идиота, мои безопасники накопят компромат на самого Алимова и его чудесную внучку. Меня не интересует, кого убил этот упырь. Народу в девяностые полегло немало. Но ничего не удалось доказать. Только ленивый в те годы не читал расследования журналистов-правдоруков. Но они со временем повывелись. Тон в статьях стал более благожелательный, а в текстах появились недомолвки и странные намеки.

А сам Алимов в одночасье стал уважаемым человеком, примерным семьянином и лучшим предпринимателем области.

Мне же его боевое прошлое по барабану. Тут важнее знать, есть ли какие-то слабости или внебрачные дети у старого крокодила. И на это давить. Как на болячку в спарринге. Разжалобить вряд ли удастся. А вот задеть за живое скорее всего получится.

А кто не без греха?

Плюс еще Лейла! Жирный такой плюс.

Нужно выявить полный круг общения. Интересно, участвует ли она в отвязных вечеринках, больше известных как вписки? Покуривает ли втихаря травку? Кричит ли на слуг? Или страдает энурезом? Сейчас важна каждая мелочь, способная расторгнуть помолвку.

Потираю лицо, стараясь сосредоточиться на главном и, достав из сейфа ключи, иду в хранилище. Вполне вместительная комната расположилась за фальшивой панелью книжного шкафа.

Только вот о ее сосуществовании не знает никто, кроме Любы и Марата. Двое людей, которым я доверяю свои жизнь и сердце.

Глава 5

Люба

Я просыпаюсь одна в пустой постели. Укутываюсь в шелковую простыню и бреду по огромной квартире искать Тимура. Ежедневный наш ритуал. У Манучарова дикая работоспособность. Четыре часа сна ему обычно достаточно. А я люблю поспать подольше. Вот и приходится потом искать по всем комнатам.

Тимура я застаю в хранилище. Заглядываю в приоткрытую сейфовую дверь, на которой болтается другая, с книжными полками.

– Ты как Кощей, с утра над золотом чахнешь? – смеясь, обнимаю сзади.

– Выбираю камешек для колечка, – весело ухмыляется Тимур, поворачиваясь ко мне. Впивается в губы сладким поцелуем. Таким долгим и томительным, что я забываю сразу обо всем.

Отодвинув в сторону плоскую коробку, отделанную черным бархатом, где в своих ложах покоятся бриллианты, Тимур подхватывает меня на руки. Сажает на стол из дерева венге. И медленно, словно со статуи, спускает с плеч про-

стыню.

– Об этом я и мечтал, – вздыхает Тимур, становясь между моих бедер. Притягивая к себе, снова лезет целоваться. А когда раздается трель домофона, громко ругается.

– Твою мать, у этой женщины есть хоть немного такта?

Про госпожу Альбину, как я мысленно называю мачеху, можно рассказать многое. Но какой от этого толк?

– Марат? – хмурится мой любимый, вызывая личного помощника и телохранителя. – Ты уже здесь.

И получив утвердительный ответ, закрывает одну за другой обе двери.

– Мы в хранилище. Впусти мою мать и объясни ей, что мы уехали на выходные. Да! Ранним утром. Куда? А ты не знаешь! Когда эта красавица свалит, позвони. Мы выйдем. И постарайся избавиться от нее побыстрее!

– Все! – Тимур поворачивается ко мне. – Сейчас маман убедится, что нас нет дома, и отстанет.

– Не уверена, – хмыкаю, оглаживая башку любимого. Коротко стриженные волосы приятно щекочат ладони.

– Сюда она точно не ворвется, – морщится Тимур, стаскивая халат. А когда через какую-то секунду мы становимся одним целым, из головы напрочь вылетают все мысли. Там по дому шастают отец и Альбина. Марат явно в курсе, чем мы сейчас занимаемся в хранилище. Но мне абсолютно все равно. С каждым выпадом уношусь все дальше и дальше.

– Дождись меня, – рычит Тимур. – Давай вместе.

– Догоняй, – выдыхаю, запрокидывая голову. И через секунду выгибаюсь дугой, почувствовав всю силу своего мужчины. Без сил укладываюсь ему на плечо и стараюсь выровнять дыхание после любовного марафона.

– Жрать хочу, – недовольно бухтит Тимур, возвращая меня с небес на землю. – Нужно тут холодильник поставить.

– И мультиварку, – фыркаю я, слезая со стола. Завернувшись в простыню, сажусь в кожаное кресло. Тимур плюхается во второе и, положив голову на высокую спинку, задумчиво тянет.

– Может, действительно возьмем палатку и смоемся на природу. Поедем на машине Марата. Никто не догадается.

– Великий Манучаров один среди коров и деревьев? – хмыкаю я, укладывая ноги на крепкие мужские колени. – Охрана с ума сойдет, Тимур.

– Ну почему один? С тобой, Люб! Мы Марата возьмем. – весело отмахивается он и напевает себе под нос. – На улице Марата я счастлив был когда-то... А что, Люб, может, лучше в Питер махнуть? – Лениво проводит большими пальцами по моим ступням.

– Вот прямо сейчас? – уточняю, не веря. И осекаюсь, чувствуя, как мурашки бегут по телу.

– А почему нет, – довольно, будто кот, улыбается Тимур. – Там хата стоит пустая. Пошляемся по Невскому. Пожрем в том французском ресторане, который ты умоляла купить. И вернемся домой. Ты утром пойдешь на работу, а я улечу к

Алимову. Будем потом вспоминать, как шатались, никого не таясь, по улицам. Залезем на колоннаду Исаакиевского.

— Это все мечты, Тим, — томно вздыхаю я, чуть приоткрыв глаза. — А на самом деле, если мы прилетим в Питер, приедем в лес или внезапно попадем на Манхеттен, то забьемся в спальню, как кролики. — Веду ногой по бедру Манучарова. Кончиком большого пальца касаюсь живота.

— И на дорогу можно не тратиться, — фыркает Тимур, понимая намек. Неожиданно потянувшись к моей ноге, целует пальцы. Облизывает один за другим и смотрит лукаво, как я ерзаю от нетерпения.

— Интересно, она там окопалась, что ли? — сердито бросает он, косясь на дверь, но не выпускает мою ногу.

— Марат, как дела? — рычит в трубку. — Дай я с ней сам поговорю.

Смотрит куда-то в потолок и, как только в динамике слышится резкий голос Альбины, спрашивает грубо.

— Мам, ну какого хрена?

— Это я тебя хочу спросить! — взрывается она. — Мы с Андреем ночь не спали. Никак понять не можем, где ты схлестнулся с этой мерзавкой? Я же всегда следила...

— Остановись, пожалуйста, — рявкает Манучаров. — Перестань говорить то, о чем потом пожалеешь...

— Это тебе нужно подумать, Тимур, — театрально вздыхает Альбина. — Приезжай быстро. Надо поговорить. Если дойдет до Алимова, нам всем не поздоровится. Думаешь, отец от хо-

рошей жизни заключил контракт с Ринатом? Ты и так с рождения на всем готовом! Пора отвечать за богатую жизнь...

– Я? – подсказывает Тимур. – Ты ничего не перепутала, мама? – Набрав полные легкие воздуха, выдыхает шумно. – Не жди меня. Я не вернусь сегодня. Пойди, проспись.

– Как ты со мной разговариваешь? – орет Альбина. И клянусь, мне ее прекрасно слышно и без телефона.

– Ты не спала ночь, я предлагаю тебе отдохнуть, – криво усмехается Тимур. – Отдай трубку Марату, – приказывает строго. И когда верный оруженосец крякает краткое «да», просит настойчиво. – Проводи гостей, Маратик.

Забиваюсь в кресло, стараясь не расплакаться. Настроение безнадежно испорчено.

– Старею. Теряю хватку, – устало чешет Тимур затылок. – Знал же, что она припрется. И не принял никаких мер.

– Нам нужны парашюты, – невесело улыбаюсь я. – Только Альбина на порог, и мы прыгаем вниз.

– Вот ты фантазерка, – вставая, отмахивается он. Взяв коробку с бриллиантами, садится рядом. – Я тут выбирал камень для одного важного заказа, не сможешь определить-ся?

Внимательно гляжу на камни, разложенные в бархатных лунках.

– Сердечки и прямоугольные сразу отпадают, – деловито размышляю вслух. – Если заказчик – солидный тип, то лучше предложить ему круглые. Больше заработаем. По прайсу

Рапатора какой дороже?

– Этот, – показывает Тимур на более приплюснутый камень.

– Я опять не угадала, – тяну разочарованно. – Мне казалось, этот более ценный.

Осторожно беру в руки бриллиант такого же диаметра, но немного другой огранки. В свете люминесцентных ламп камень играет всеми цветами радуги.

– Этот на полкарата меньше, – хитро улыбается Манучаров. – Но первый слегка мутноват. И качество огранки хуже. Пожалуй, ты права. Сделала отличный выбор.

Вглядываюсь в довольное лицо Тимура. Он все заранее выбрал сам. А мне устроил маленький экзамен. Сколько вечеров мы провели здесь, разглядывая камни! Тимур не просто учит, бубня сухие факты, он сам словно бриллиант загорается от радости, стоит только коснуться излюбленной темы. А теперь, когда я немножко обтесалась в ювелирном бизнесе, иногда устраивает проверки.

– А кто будет делать? Харбинский? – интересуюсь запальчиво.

– Да, хочу поручить Леониду, – кивает Тимур и, прочитав в айфоне сообщение, велит. – Осада окончена, Люба. Медуза Горгона улетела. Надевай мой халат, и выходим.

Послушно забираю из рук Тимура махровую тряпку, подходящую мне до щиколоток. Плотно запахиваюсь, завязывая потуже пояс.

Честно говоря, при Марате, коренастом суровом мужике, я чувствую себя скованно. Никак не могу привыкнуть, что в этом доме на нем держится все хозяйство.

Хихикаю, глядя на любимого, завернувшегося в простыню, как в тогу.

– Только лаврового венка не хватает! – смеюсь беззаботно. И неожиданно замираю от нехорошего предчувствия.

– Ты чего? – настороженно смотрит на меня Тимур. – Привидение увидела?

Глава 6

Люба

Отмахиваюсь от нехорошего предчувствия. Так уже было. Моя вечно спящая интуиция просыпается за пять минут до ядерного взрыва, когда уже ничего нельзя предотвратить.

– Все в порядке, – отвожу взгляд от настороженного Манучарова. Веду ладонью по бриллиантам. Какие же они все-таки необыкновенные. Даже представить трудно, что мать-природа так расстаралась. Конечно, есть искусственные, прогретые. Но здесь, в хранилище Тимура нет ни одного дешевого камня. Каждый уникален по чистоте и огранке. Но даже красота сверкающих бриллиантов не трогает меня. Сердце ухает от тревоги. И я ничего не могу с этим поделать.

Пялюсь в спину Тимуру, открывающему хитромудрые заповеди. И все пытаюсь взять себя в руки. А так хочется подскочить сзади, обнять и закричать от отчаяния.

– Не уезжай! Тим! Пожалуйста!

«Успокойся, – твердит мне здравый смысл голосом старшей сестры Кати. – Ему надо ехать. Без согласия Алимова твоя жизнь не стоит и копейки!»

Засунув руки в карманы халата, утыкаюсь носом в черную

махру, все еще таящую запах любимого мужчины. И снова оказываюсь во власти паники. Умом понимаю, что за те пару дней, что Тимур будет в отъезде, ничего не случится. Но сердце сжимается от глупой тревоги. И даже в воздухе пахнет бедой.

– Что происходит? – поворачивается ко мне Тимур. – На тебе лица нет.

– Я боюсь, – признаюсь честно. Умные черные глаза словно подергивает болью. А пальцы любимого ложатся на мой подбородок, слегка приподнимая лицо.

– У нас нет другого выбора, – хмурится он. – Никто никого не грохнет. Не переживай, Любовь моя. Девяностые давно прошли. В самом лучшем варианте, примут подарок и отпустят с миром. В самом плохом, выставят счет. И я его оплачу. Нет проблем, Любушка. Одни расходы.

– Да, конечно, – киваю стараясь взять себя в руки. И тут же замечаю робко. – А твоя мама? Она уже против. Альбина не даст нам спокойно жить.

– Она сдастся, – беззаботно отмахивается Тимур. – Особой любви не гарантирую. Но лезть к нам точно не будет. Поэтому забей. Я хочу завтракать и массаж...

– Попроси Марата. Он разомнет тебе спину, – фыркаю я, выбегая из хранилища. Но не успеваю сделать и пары шагов, как попадаю в захват сильных мужских рук.

– На фиг мне Марат, дорогая! Я с утра отработал, теперь твоя очередь, – жарко шепчет мне в ухо Тимур.

Шелковая простыня, держащаяся на честном слове, начинает скользить с плеча вниз. И мы в четыре руки начинаем ее ловить. Хохочем как сумасшедшие. И снова целуемся.

А в душе бьется страх колокольным набатом.

Но Тимур прав, и я ему всецело доверяю. У нас и вправду нет другого выхода. За свое счастье придется бороться. Хотя это и не борьба даже, а искусство переговоров. А Манучаров у меня прирожденный медиатор.

– Тимур, – стучится Марат в приоткрытую дверь кабинета. – Тут такое дело...

– Что-то срочное? – морщится любимый, обнимая меня.

– Пацаны из следственного звонили. Алтуфьевские цацки выплыли...

– Мы сейчас придем, – рыкает Тимур, мрачняя.

Уже чуть позже на кухне, когда мы вдвоем усаживаемся за прозрачный стеклянный стол, уставленный оливками, помидорами и мясной нарезкой, Манучаров прихлебывает американо из высокой чашки. И кивнув Марату, облокотившемуся о дверной косяк просит.

– Рассказывай, бро. Не томи.

Марат выразительно кивает на меня. Я сижу к нему спиной. И он даже не задумывается, что мне его видно в отражении горки.

– При Любе можно, – кивает Тимур и добавляет самодовольно. – Как только я расторгну помолвку с Алимовой, мы поженимся. Поэтому, можешь базарить в открытую.

Повернувшись, замечаю, как у флегматичного обычно Мурата отвисает челюсть. Но он быстро возвращает ее на место.

– Пацаны говорят, – начинает он, откашлявшись, – что вроде нашлось кое-что по мелочи из коллекции Павла Афанасьевича.

– Что именно? – серьезно бросает любимый и даже перестает есть.

– Кулоны, кольца, – пожимает плечами Марат.

– Какие камни? – снова уточняет Тимур, закидывая в рот оливку.

– Рубины вроде, – вздыхает Марат.

– Рубины или шпинель? – хмурится Манучаров.

– Откуда я знаю, – морщит нос помощник. – Я в таких тонкостях не разбираюсь.

– Цена разная, – вздыхает Тимур и снова принимается за еду. Любимый прав и в отличие от Марата я знаю, как отличить один камень от другого.

Профессионалы называют рубин королем драгоценных камней, а шпинель прозвали великой самозванкой. И если рубин играет гранями и светится, то цвет шпинели остается неизменным. Камень красивый. Драгоценный. Но в разы дешевле рубина. Вот только неспециалисту на первый взгляд отличить трудно.

– Следаки тебя в понедельник ждут, – бесстрастно сообщает Марат. – У тебя вроде никаких важных дел не намече-

но. Я по планингу сверился.

– Я к Алимову поехать хотел, – ощерившись бросает Тимур. Трет лоб, пытаясь выкрутиться из создавшейся ситуации. – Попробуй отменить, Марат.

Поднимается из-за стола, с шумом отодвигая стул. Внимательно смотрит на Марата, потом на меня.

– Я буду в спальне, Люба.

– Бро, прости, я не знал, – бросает вслед помощник. А я, поспешно отхлебнув латте из высокого стакана, несусь следом.

Тимур останавливается. Схватив за руку, притягивает меня к себе. Привычно целует в темечко. И сморщившись словно от боли, бросает нехотя помощнику.

– Ты все сделал правильно. Просто получилась накладка. Постарайся избавить меня от этой канители. Хотя бы на время. Вернусь из Дубая, посотрудничаем. Спецов дам для экспертизы. Сам знаешь, лучшие геммологи только у нас.

– Сейчас попробую все откатить, – коротко кивает Марат. И взяв с холодильника сотовый, уходит в свой маленький кабинетик.

Естественно, у Манучарова полно секретарей и референтов. Длинноногие красивые девушки занимаются рутинной работой и украшают собой офис. А настоящий помощник у Тимура один. Всецело в курсе всех дел шефа только Марат. И немножко я.

Глава 7

Тимур

Вернувшись в спальню, со всего размаху плюхаюсь на кровать. Моя маленькая лиса мостится рядом. Укладывает голову мне на грудь. Ногу закидывает на бедро.

– Драгоценности Алтуфьева... Это как-то связано с гибелью твоего отца.

– Да, – киваю скупно. А в душе радуюсь, что Любе ничего не нужно объяснять. Она и так член семьи и в курсе основных вех жизни Манучаровых.

– Паша Алтуфьев – второй учредитель компании, был женат на Марине, маминой сестре. «Алмаз» изначально развивался как семейный бизнес, Любушка.

– Там что-то было с заказом, насколько я помню, – вздыхает она. – Отец с Альбиной при мне обсуждали.

– Алтуфьев где-то раздобыл заказ на целый гарнитур. Серьги, подвески, браслеты, корона какая-то дурацкая... Все с рубинами. Отец воспротивился категорически. Кажется, он навел справки о заказчике и посоветовал отказаться. Но Паша уже взял аванс. Пришлось впрягаться. До сих пор непонятно, на каком этапе подменили камни. Отправи-

ли клиенту рубины, а он получил шпатель. Решил, что его обманули. Разбираться не стал. Грохнул всех разом.

– Взорвал офис?

– Кабинет отца, – морщусь, словно от боли. Из всех щелей лезут воспоминания. Факты, детали, о которых я предпочел бы забыть.

Мама, лежащая пластом. Врачи, дежурящие сутками. И мой потаенный страх, что останусь сиротой в свои четырнадцать.

Это потом уже через пару лет мать сойдется с Андреем. Быстро забеременеет и родит Миланку. Но первые полгода после папиной смерти она была похожа на приведение.

Мама! Еперный театр! Как бы следки не добрались до нее. Опять начнется эта мышьяная возня. Недомолвки, намеки. Снова вылезет какая-нибудь байда, а истинного убийцу так и не найдут. Да и хрен его сыщешь спустя двадцать три года!

Потянувшись, беру с тумбочки сотовый. Звоню матери. Лучше принять меры сразу, чем ждать, когда снова откроется ящик Пандоры и нас всех накроет его содержимым.

– Не хочу с тобой разговаривать! – капризно заявляет маман. – Ты – хам, Тимур! Отец в домовине переворачивается.

«Папу хоронили в закрытом гробу. И то благодаря экспертам удалось отделить останки от двух других жертв, – нехоти вспоминаю я. – И там точно переворачиваться нечему», – морщусь от черного неуместного юморка.

Но с матерью так пошутить я себе не позволю. Сколько бы лет ни прошло, старая рана до сих пор саднит и кровоточит. Мои родители любили друг друга. Парочка однолюбов. Сэм обожал Альбину. А она души в нем не чаяла.

– Мам, – обрываю я заполошные крики. – Мы с Любой сейчас к вам придем на кофе. Там же торт остался свадебный. Я ни кусочка не съел.

– Как же так, Тимочка! – причитает она. – Вроде бы всем разносили по кусочку. А ты еще выкупил один за тридцатку.

– Так часто бывает, купишь и хрен воспользуешься. Кто-то сожрал! – вздыхаю я, пытаюсь удержать рядом строптивую Любу. Девчонка смотрит на меня возмущенно и все норовит смыться. Приходится усилить захват.

– Конечно, торт остался, сыночек, – ласково уверяет меня мама и тут же настороженно спрашивает. – Ты сказал – с Любой? Видеть не хочу эту мерзавку! Втравила нас в историю...

– Нашлись Пашины цацки, мам, – выдаю я истинную причину встречи. – Нужно поговорить. Люба как член семьи и эксперт компании должна присутствовать. Времени мало, а я не собираюсь повторять одно и то же по несколько раз.

– Ну, приходите, – сквозь зубы соглашается мама и отбивает звонок.

– Я не пойду к ней! – возмущенно заявляет любимая. – Эта злыдня меня отравит.

– Сейчас хороший повод помириться, Любовь моя. От

Альбины хрен куда денешься. Лучше дружить с ней, чем ссориться. Она же голову вынесет... Одевайся. Пойдем. Разговор предстоит серьезный.

– Ты думаешь, нам грозит опасность? – распахивает и без того огромные глазищи Люба.

«Ага! Если я тебе все расскажу, ты ночей спать не будешь, – усмехаюсь мысленно. – Да ну на фиг – пугать беременную жену! А вот дать усеченную информацию, чтоб вела себя осторожно, не помешает».

– До сих пор неясно, кто стоит за гибелью отца и Алтуфьевых. Непонятно, кто поставил бомбу. Метили в отца и в Павла. А заодно попала и Марина. Темная история, Любушка.

Обняв девчонку, покрепче прижимаю к себе. Слышу, как стучит сердце любимой, как замирает дыхание.

– Приставлю к тебе охрану, – рычу я и добавляю сердито. – Не спорь.

– Хорошо, – неожиданно соглашается она. – Как скажешь, Тимур-мур-мур... Только идти к родакам я не хочу. Избавь меня от этой повинности.

– Люба, пожалуйста, – хрипло прошу я, зарываясь пальцами в блондинистую гриву волос. – Мне самому неохота. Но поверь, лучшего способа настоять на своем у нас не представится.

Целую лоб, глаза, щеки. Жадно веду ладонями по спине, сминая пальцами упругие ягодицы.

Любин нос утыкается в меня где-то в районе ключицы. Ее губы скользят где попало, а руки уверенно занырявают под майку.

– Она меня не любит, – ноет моя ненаглядная.

– Ну и не надо, – фыркаю я. – Главное, тебя люблю я.

– И я тебя, – хнычет Люба. – Но идти никуда не хочу.

– Мать воспримет твой отказ как смертельную обиду. Поэтому пять минут на сборы.

– Я не успею, Тимур! – возмущенно вопит девчонка.

– Хорошо, – тут же соглашаюсь я, вставая вместе с Любой. – Тогда десять! Время пошло!

Мы вваливаемся к матери и Андрею минут через сорок. Сразу считываю напряженную атмосферу. Мать явно не в духе, Андрей насуплен.

А еще чувствую панику, витающую в воздухе. Дикую, почти животную, она точно ощущается в родительском пентхаусе.

Не осуждаю мать. Не имею права. Напротив, отлично понимаю ее. Она до сих пор боится за меня и Милану. Война, объявленная много лет назад, еще не окончена. И самое ужасное, мы до сих пор не знаем, кто ее начал.

Глава 8

Люба

– Ты специально залетела? – набрасывается на меня Альбина, стоит мне только войти в квартиру.

Сталкиваюсь с гневным взглядом мачехи и презрительным – отца. И как обычно тушуюсь. Даже рот приоткрываю от растерянности. С Альбиной всегда так. Не умею ставить ее на место.

– Мама, прекрати, – рычит сзади Тимур. – Специально или нет, это тебя не касается.

– Что значит, не касается?! – взрывается, не скрывая гнева Альбина. – Как давно продолжается это безобразие? Тимур, ты что, не осознаешь всех рисков? Алимов с тебя шкуру снимет. А эта как всегда выйдет сухой из воды.

– Мама, – угрожающе предупреждает Манучаров. Демонстративно обнимает меня. Целует в висок. – Это не твои проблемы и не тебе их расхлебывать. Лучше сосредоточься на главном. Меня сейчас интересуют все подробности несчастного заказа. Андрей, тебя тоже касается. Может, что-то вспомнишь?

Не разжимая объятий, он плюхается на диван, увлекая ме-

ня за собой. Строго глядит на моего отца, не давая тому соскочить с темы.

– Я тогда только устроился на работу, Тим, – по-бабьи вздыхает папаша. Трясет жирным подбородком. Что-то пережевывает губами. – Все потом узнал от Алечки.

«Алечка! – передразниваю мысленно и добавляю в сердцах. – Чтоб ты скисла, милая!»

Став самостоятельной, я перестала бояться мачеху. Давно не жду ее одобрения. Зато все детство тряслась как осиновый лист. Нет, она не била меня. Но хорошо знала, как ранить словом осиротевшего испуганного ребенка.

От одного ее «придется вернуть тебя обратно в детдом» у меня темнело в глазах. Я старалась забиться в угол. Боялась, что найдут и обязательно отправят обратно. Хотела угодить и понравиться мачехе. Нескладным своим умишком понимала, что только благодаря ей, отец забрал меня из ада детского дома, куда я угодила после смерти мамы.

– Давайте перейдем к делу, – грозно бросает Тимур. Он сейчас напряжен и очень похож хищника.

Альбина театрально вздыхает. Обеими руками обнимает себя. Смотрит на сына печально.

– Расстроил ты меня, сынок, – замечает печально.

Даже в горести эта женщина идеальна. Короткие волосы тщательно уложены. На лицо нанесен легкий мэйк-ап а ля «натурель». Никакого второго подбородка или целлюлита. Альбина Манучарова всегда свежа, подтянута и красива. Но

как по мне, от нее за версту веет кладбищенским холодом.

– Мам, я не в первом классе. Люба тоже. Оставь свои оценки при себе, – раздраженно роняет Тимур. Берет меня за руку и добавляет с улыбкой. – Просто смирись.

– Не могу, – мотает головой Альбина. – Я категорически против...

– Я не спрашивал твоего мнения, – гневно отрезает Тимур. – Или мы сейчас вырабатываем одну линию поведения и минимизируем потенциальные потери от следственных действий. Или каждый сам за себя. Только потом не срывай меня с постели и не умоляй помочь.

– Ты думаешь...

– Я уверен, что в банк и в «Алмаз» придут с обысками. И понятия не имею, почему спустя двадцать три года дело снова вернули в производство.

– Есть же какой-то срок давности, – подает голос отец.

– Мне кажется, ты специально это придумал, чтобы сбавить градус скандала. Нажил ребенка от Любки и теперь пытаешься выкрутиться.

– Хорошо, – ощерившись, бросает Тимур. – Я вечером схожу в СК и сразу улечу в Дубай к Алимову. И вот тогда, дорогая мама, ты будешь выпутываться сама. Поняла?

– погоди, – останавливает она сына. – Это правда? Дело вернули на дорасследование? Видимо, нашлись настоящие рубины...

Мать переводит обалделый взгляд на мужа. И тот подско-

чив, сейчас же подбегает к ней.

«Послушный мальчик», – чуть не ляпаю я. Но вовремя прикусываю язык.

– Когда ты перестаешь копошиться в чужих трусах, то делаешь потрясающие выводы, – криво усмехается Тимур и повторяет раздраженно. – Есть ли что-то, о чем я не знаю?

– Понятия не имею, – побледнев вздыхает Альбина. Сверлит меня сумрачным взглядом. Если бы не Тимур, держащий меня за руку, вцепилась бы мне в волосы и выволокла б за дверь. Но при сыне старается сдерживаться.

– Сдается мне, – Тимур берет мою ладошку в свои. Гладит задумчиво и словно не замечает злых взглядов матери. – Должен быть еще один комплект украшений.

– Почему ты так думаешь? – заполошно охает Альбина.

– Слишком мало времени было у злоумышленников. Осторожно достать рубины и на их место вставить точно так же ограненную шпатель – процесс долгий даже для профессионала. А вот подменить комплекты мог кто угодно. Делов на пять секунд. Вот поэтому я спрашиваю, дорогие мои, кто мог осуществить эту затею? У кого был доступ к клише и к формам?

– Обычно все заготовки хранились у Сэма, – вспоминает вслух мачеха. – Твой отец не доверял никому. Боялся, кабы кто втихаря не левачил. Очень дорожил нашим торговым знаком. Помню незадолго до этого случился скандал, когда он уволил мастера. Тот поставил мутный бриллиант. Хотя в

условиях была прописана определенная чистота...

– Наверное, это к делу не относится, – мягко замечает отец.

– Почему же? – жестко перебивает его Тимур. – Сейчас все имеет значение. Вполне возможно у нас до сих пор окопался крот Левина. Или кто там за ним стоит...

– Левин был ширмой, – шумно вздыхает Альбина. – Я тебе сто раз говорила, он действовал от своего имени, но в интересах какого-то таинственного клиента.

– Сейчас трудно вспомнить вчерашний день, а события двадцатилетней давности тем более...

– За себя говори, – гневно бросает Альбина. Подскакивает с места. Нервно закуривает тонкую пахитоску. Но не успевает затянуться.

– Потуши сигарету. Сейчас же! – рявкает не сдержавшись Тимур. – И пожалуйста, больше не кури при моей жене.

– Ох, Тимур! – с укоризной смотрит на него мать. Но притушив еще не начатую сигарету, поспешно открывает окно. И снова испепеляет меня негодующим взглядом.

– Ты действительно поедешь к Алимову? – изумленно спрашивает, возвращаясь обратно. – Ты бы подумал, сынок. Нам без его помощи придется тяжело. Если еще и он против нас восстанет...

– Моя поездка не обсуждается, – раздраженно морщится Тимур. – Алимову я все возьму. Не проблема!

– Ты из-за Любки совсем умом поехал! – подскакивает

Альбина. – Вспомни пункт о штрафных санкциях! Нас без штанов оставить хочешь?

– Мам, – устало тянет Тимур, наблюдая за вышагивающей по гостиной матерью. – Ну не лезь ты ко мне. Сам справлюсь. Неси лучше торт, а?

– Торт? – ошалело повторяет Альбина за сыном. – Торт?

– Ну хоть пожрем напоследок. А то потом будем просить милостыню. Я у Троицкого собора, а ты- у синагоги.

Глава 9

Тимур

Мама гневно топает ногой и с видом обиженной королевы выходит из комнаты.

– Зря ты так, Тим, – печально встревает Андрей. Будто я его спрашивал.

– Люба-а! Помоги мне! – доносится из кухни требовательный голос.

– Попроси Андрея! – рывкаю как можно громче и, схватив Любу за руку, тащу на террасу.

– Ты сегодня прям в ударе, – фыркает она. – Всех по местам определил.

Не договаривает старую присказку «а отвечать мне!».

– Их если не построить, начнут лезть и советы давать. А меня это бесит, сама знаешь, – устало вздыхаю я и, притянув Любу к себе, тихо шепчу. – Не хочу расставаться... Даже на один день...

– Возьми меня с собой в Дубай, – подмигивая, предлагает хитрая лиса. Обнимает за талию обеими руками. Прижимается всем телом.

– Обойдешься, – досадливо морщусь я. – Это не обычные

переговоры. Не желаю давать Алимову лишние козыри. У меня их и так мало. Оставайся здесь на хозяйстве. Я сметаюсь быстро. И сразу в ЗАГС.

– Ты все уже распланировал, – мяукает еле слышно она. – Вот только наши родители против.

Когда бы меня это интересовало! Я прям закашливаюсь от негодования. Никому не позволено лезть в мою личную жизнь. И моя мать это знает. Поэтому поостережется.

– Это их проблемы, малыш, я никого уговаривать не собираюсь. Пусть принимают реальность такой, как она есть, – выдыхаю, справившись с яростью.

Обняв тонкие плечики, накрываю Любины губы своими. Вторгаюсь языком в нежный ротик. Веду ладонью по спине и, забывшись, пытаюсь расстегнуть платье.

– Ты что, сдурел? – яростно зыркает она. – Альбина вон все глаза проглядела.

Обернувшись, замечаю, как на кухонном окне, расположенном в дальнем углу террасы, криво топорщатся жалюзи.

Мама или Андрей? Да какая разница!

– Пойдем, – тяну девчонку за угол. – Тут нам никто не помешает.

– Давай поваляемся, – показываю на круглое ротанговое кресло.

– Ты с ума сошел. Она нас прибьет...

– Нет, – дурашливо кривляюсь я. – Моя мать должна понять, как сильно я люблю тебя.

– Ей наплевать на чувства других, – грустно бормочет Люба. Глаза любимой лишь на секунду завлакивает печалью.

Моя милая права. Маман считается только с собственными желаниями и интересами.

– На время командировки нужно отправить тебя куда-нибудь в тихое место, – шепчу, утыкаясь носом в висок.

– Не хочу! Никто не знает, кто отец ребенка, – яростно шепчет Люба. – Наоборот, если ты меня спрячешь, Алимов обо всем догадается. Ты думаешь, на свадьбе не было его шпионов?

– Шутишь, что ли! – криво усмехаюсь я. – Мы специально приглашали представителей семьи. Был старший сын Рината с женой и детьми.

– Странно, почему не приехала твоя милая? – поднимает на меня наивные глаза Люба, в которых пляшут развеселые черти.

– Не начинай, а? – негодуя отмахиваюсь я. – Не приехала, и слава богу! Мне ее тут только не хватало...

– Тимур, Люба, – зовет, не выходя из-за угла, Андрей. – Все готово. Идите.

Взявшись за руки, возвращаемся в гостиную, где уже накрыт стол к чаю. Расставлены тарелки с мясной и рыбной нарезкой. На фарфоровых этажерках висят фрукты и десерты.

Мать даже повседневную трапезу умеет обставить как банкет.

– Поступим так, – вздыхаю, наблюдая, как мать разливает чай в расписные японские чашки. – Мам, ты контролируешь финансы, Андрей в мое отсутствие – «Алмаз». Если следствию понадобится помощь, предоставишь лучших спецов. Желательно тех, кто не работал при отце и Паше... Того же Харбинского. Можно Любу.

«Тебя бы, моя любовь, лучше спрятать, пока я не порешаю с Ринатом», – думаю я, выхватывая с тарелки тонкий мясной ломтик и отправляя его в рот. Но Люба права! Наверняка Алимову уже донесли. Ему все доносят, будь он неладен! И спрятав Любу, подставлю ее под удар.

“Лучше прятать на виду”, – вспоминаю я давнюю присказку отца.

Поэтому лучше не делать лишних движений. Не наводить панику. А просто оставить рядом надежного человека. Того же Марата... Глядишь, и пронесет.

– Со свадьбы приволокли? – хмыкаю я, кивком головы указывая на заставленный закусками стол. И добавляю с гадкой ухмылкой. – Вот интересно, какой уровень дохода избавит наших граждан от обязанности забирать оставшуюся жратву из ресторана?

– Тимур! – негодуяще пыхтит маман. – Все, что осталось после банкета, официантки сложили и передали нам. Я по столам не шарилась...

– Прости, – улыбаюсь повинно. И сам себя корю за несдержанность.

– Вы лучше скажите, как Милана узнала? Ты ее подговорила, Люба? – строго интересуется мать, но уже не пышет гневом. По привычке пытается построить падчерицу.

Накал спадает. Глядишь, скоро начнет скупать во всех магазинах Европы детские вещи.

– Случайно столкнулись в клинике. Мы с Катей прощались в холле. А Милана с Ильей входили. Она увидела у меня в руках снимок УЗИ и догадалась, – виновато оправдывается Люба. Личико сразу становится страдальческим и грустным.

Ах, пожалейте меня, бедную родственницу!

– Миланке нужно подарок отправить, – перебиваю я исповедь «сиротки». – Молодец, девчонка! Что там она хотела, мам?

Мать выглядит обескураженной. Видимо, собиралась отчитать любимую дочку за неуместную выходку. А тут я с подарками...

Но ссориться со мной она не будет. Но и великой любовью к Любе не вспыхнет.

– Молодец, систер! – продолжаю я как ни в чем не бывало и, заметив хмурые лица сладкой парочки, добавляю весело. – Вы почему приуныли, мои дорогие? Радоваться должны. Ваш первый общий внук на подходе. Или внучка. Подумайте об этом на досуге. И постарайтесь свыкнуться с этой мыслью.

– Ты невозможен, Тимур, – растерянno шипит мать.

Но мне плевать! Пусть Андрея своего страшит. А вот Лю-

ба вздрагивает. Видимо боится по привычке.

Злая мачеха, блин!

Неожиданно вспоминаю, когда впервые увидел Любу впервые. Остался после какого-то праздника в старом родительском доме. Поздно вечером забрел на кухню пожрать. А там девчонка в одной ночнушке.

Естественно, дочка Андрея и раньше попадалась мне на глаза. Но тогда, семь лет назад, я изумился преобразению. Маленький перепуганный воробей куда-то исчез. А вместо него появилась аппетитная телочка. С узкой талией, высокой грудью и длинными ногами. Нет, не гламурная чика с перекроенной физиономией и силиконовыми сиськами, а настоящая красавица.

Глава 10

Люба

– Ты общаешься с Катериной? – хмуро роняет отец, стоит Тимуру выйти из комнаты.

– Мы – родные сестры, – напоминаю я всем известную истину.

– Пусть она мне позвонит, – велит он.

А Альбина смотрит на меня с укором.

– Ваша Катя совсем с катушек слетела? Устроила Андрею глупый бойкот. Он вообще-то ваш отец. И я требую уважительного к нему отношения.

"Ага, сейчас! – огрызаюсь мысленно. – После всех папиных выходов Катя с ним не желает общаться. Зовет трусом и подлецом. А на улице как-то прошла мимо. Отец долго возмущался. Сначала угрожал, потом пытался задобрить. Но Катя осталась непробиваема.

Другое дело, я. Манучаровы выучили меня. Дали профессию. Конечно, как только мне исполнилось восемнадцать, я могла бы уйти. Но смалодушничала. Из-за Тимура. Все ждала, когда обратит внимание. И ни разу не пожалела.

– Я передам, – вру безбожно.

Моя старшая сестра категорически против общения с отцом. Именно его она обвиняет в смерти мамы и во всех последующих бедах.

Я плохо помню тот период. Да и кто бы делился с маленькой девочкой подробностями?

А вот Кате пришлось бросить учебу в Москве и на пару лет забить болт на образование.

Маленький сосудик в маминой голове оказался тем слабым звеном, которое обрушило слаженную жизнь нашей семьи после ухода отца.

И страшное слово "кома" ненадолго поселилось в нашем доме. На смену ему пришли смерть и похороны. Сначала мамы. А следом ушел дед и слегла бабушка. Катя разрывалась на части, пытаюсь хоть как-то выправить ситуацию.

Собирала меня в школу, кормила с ложечки бабушку, ставила ей уколы и капельницы, а вечерами работала санитаркой. Нам все казалось, вот-вот жизнь наладится. Не может быть все время плохо. Вот только вмешались какие-то добрые соседи, написавшие донос в ювеналку. Пришли грубые тетки в строгих костюмах и увели меня в детский дом.

Сестра приняла этот бой. Но силы изначально оказались не равны. Да и кто позволит восемнадцатилетней девчонке стать опекуном?

Но даже проиграв в органах опеки, Катя не думала сдаваться. Она пошла к отцу в офис и прилюдно потребовала забрать меня к себе.

– У меня друг-журналист, – заявила, встав в дверях. – И если у тебя нет даже зачатков совести, то пусть об этом узнает весь город! Забери и отдай мне, – поставила ультиматум.

– Даже не надейся, – прошипел отец. И Катя, как она мне рассказывала, решила действовать другим путем. Оформить краткосрочный патронат. Тогда бы я могла гостить в родной семье.

Бред, конечно! Даже звучит по-идиотски. Но для меня тогда это был единственный выход. Поэтому, когда в один из серых дождливых будней за мной приехал отец, я глазам своим не поверила.

– Собирайся, – сказала мне воспитательница. Толстая равнодушная Марья Николаевна.

– Я не хочу к нему, – заплакала я.

– Твое дело телячье, девочка, – вздохнула она, помогая мне сложить в рюкзачок мой нехитрый скарб.

Катя еще какое-то время встречала меня после школы. Мы с ней бродили по улицам и обедали в кафешке. Но это продолжалось недолго. Бабушка умерла и сестра решила вернуться в Москву.

– Пойми, единственный шанс, чтобы нам с тобой жить достойно, это получить высшее образование. Люди без него обречены. Везде в мире идет разделение... Ты должна поступить в универ. Попробуй не обращать внимания на отца и его примадонну. Учись, слышишь!

Легко сказать!

Даже сама не помню сколько я проревела в тот день. С отъездом сестры я теряю еще одного близкого человека.

А Катину «не обращай внимания» еще долго кажется мне насмешкой.

Для отца я не существую. Для Альбины тем более. Единственный человек, кто разговаривает со мной это экономка Люда. Да еще Тимур.

Странно, но взрослый парень всерьез отнесся к моим бедам. Первый раз он натывается на меня в саду. Я сижу на лавке и реву из-за двойки по геометрии.

– Тебя моя мать отругала? – мягко спрашивает Тимур и к моему немалому удивлению садится рядом.

– Альбине наплевать на мои оценки, – вздохнув, жалуюсь я. – Она говорит, что я тупая и мне одна дорога на рынок торговать петрушкой.

– А ты? – улыбается любимчик мачехи.

– Хочу поступить в университет, – бубню, свесив голову.

– И кем же ты хочешь стать?

– Врачом, как сестра. Буду спасать людей.

– А с геометрией что? – внимательно смотрит на меня Тимур. – Ты правила читала?

– Конечно! – возмущенно вскидываюсь я. – Я их наизусть выучила! Но понять не могу.

– Может, моя мать права? – весело интересуется Тимур.

Он красив и кажется мне божеством. Черные волосы откинута назад. Белая майка обтягивает широкие плечи,

а бледно-голубые джинсы плотно сидят на бедрах. Такие взрослые парни не болтают с бедными родственницами. И уж тем более, не знают геометрию.

– Дай определение окружности, – просит Тимур, но в его голосе явно чувствуются начальственные нотки.

– Окружность – это множество всех точек на плоскости, находящихся на одинаковом расстоянии от данной точки, – тараторю как пулемет.

– Ты представляешь, о чем говоришь? – серьезно спрашивает он. А я удрученно мотаю головой.

– Ни одного слова не понимаю.

– Вот смотри, – Тимур садится на корточки и, взяв какую-то палочку, рисует на розовой торсе, рассыпанной по дорожкам. Крепкие пальцы рисуют точку. А затем на отдалении от нее вторую. И еще одну. – Вот оно. Множество точек на равном расстоянии... Теперь поняла. Ничего не надо зубрить, Люба, – поучает меня. А я изумленно смотрю на красавца-полубога. Уиии! Оказывается, он знает, как меня зовут.

Все подробности той нашей первой беседы я до сих пор помню наизусть. Сколько раз прокручивала их в голове. Но с того самого дня жизнь в Манучаровском доме приобретает для меня особый смысл. Я живу только, когда Тимур приезжает домой. Когда слышу его голос или вижу в окно.

Конечно, такие мужчины явно созданы для гламурных богатых женщин. Я же люблюсь издалека, твердо зная, что на-

ши пути никогда не пересекутся.

Глава 11

Тимур

По дороге домой кошусь на притихшую Любу.

– Что они тебе сказали? – не выдерживаю в лифте.

– Ничего, – мотает она головой. – Просто вспомнила, как только приехала к отцу. И ты мне объяснял азы геометрии.

– А-а-а, – тяну задумчиво. – А помнишь как я тебе сережки из Лондона привез?

– Никогда не забуду, – печально смеется Люба. – Альбина трясла меня как тузик грелку. Все пыталась узнать, откуда серьги. Пришлось соврать про Катин подарок.

– И мама поверила, – усмехаюсь криво. – Но они стоили копейки... И в глазах моей матери выглядели барахлом.

– Зато для меня до сих пор главная драгоценность, – будто ежик недовольно фыркает Люба. И как только открываются двери лифта, первая входит в пентхаус.

– Обедать будете? – интересуется Марат, появляясь в холле. – Приходила Ольга Николаевна. Сварила солянку и нажарила отбивных.

– Любу покорми, – велю я, не обращая внимания на недовольные трепыхания девчонки. – А я к следакам погнался. До-

ждись меня здесь, – прошу напоследок любимую.

– Пойду к себе. Мне хочется полежать, – не соглашается она. – Ты приедешь, спустишь за мной.

Тянется на носочках, чмокает меня в губы и быстрым шагом направляется к потайной дверце, спрятанной среди натертых до блеска зеркал.

«И замужем, и дома», – мысленно фыркаю я. Решительно прохожу в кабинет и, взяв черный кожаный портфель, возвращаюсь к лифту.

– Я с тобой? – напрягается Марат, выходя следом.

– Да, – киваю задумавшись. Если за рулем будет мой помощник, я могу поработать дорогой.

До Следственного Комитета ехать минут сорок, если без пробок. Как раз есть время взбодрить подчиненных.

– Срочно нужны сведения о самых старых сотрудниках «Алмаза», – пишу я сообщение директору компании.

И зайдя в базу, нахожу в картотеке тот самый злосчастный заказ. Разглядываю отсканированные фотки силиконовых форм. И в который раз пытаюсь свыкнуться со страшной мыслью – из-за каких-то гребанных камней грохнули моих близких.

Это невозможно, твою мать! Сколько бы лет не прошло!

Только глупцы верят в исцеляющую силу времени. Только они твердят о том, что все происходит к лучшему. Дикая ересь! Отца не вернуть, родственников тоже. И по большому счету мне по фиг, кто с кем сводил счета.

Люди погибли, а камни исчезли в неизвестном направлении. Рубины кто-то присвоил сразу, а шпинель прислали вместе с заключением независимой экспертизы за несколько дней до взрыва.

У Левина, который числился официальным клиентом, духу бы не хватило на подобную месть. Но настоящего заказчика так и не смогли.

Прикрываю глаза, стараясь сосредоточиться. Что хотят от меня силовики? И какие камни все-таки удалось обнаружить? Рубины или шпинель?

«Великая самозванка» пару раз уже вылезала. Давным-давно при облаве нашлась сережка, потом – кольцо. Но были ли эти изделия из той самой коллекции? Или их кто-то продублировал, решив заработать, до сих пор осталось загадкой.

В маленьком кабинете, больше похожим на кладовку, меня уже поджидает усталый майор.

– Тимур Семенович, – бубнит солидно. – Нам потребуется ваше содействие.

– Чем могу, как говорится, – улыбаюсь светски, в глубине души ненавидя майора, его служебное рвение и дурацкий пакет с вещдоками, где унылой змейкой болтается браслет.

Вся эта суета отвлекает меня от Любы. Не дает сосредоточиться на самом главном.

На разговоре с Алимовым, блин!

«Еще подарок надо найти для старого крокодила, – мор-

щусь мысленно. И тут же вспоминаю, как сегодня утром Люба выбирала брелок для собственного помолвочного кольца. Нужно успеть отдать его в работу до отъезда.

– Браслет был изготовлен вашей компанией? – серьезно интересуется следователь.

– Лейбл очень похож, – отвечаю уклончиво. – Но шпатель, – достав лупу, вглядываюсь в каждую грань камня, – по нашим документам не проходила. А это означает лишь одно. Оттиск «Алмаза» поддельный. Но в любом случае, подтвердить или опровергнуть мои слова может только экспертиза.

– Подъеду к вам в понедельник? – то ли спрашивает, то ли утверждает майор. Вытирает носовым потную лысину, а затем и мясистую морду.

Жара так донимает? Или сильно нервничает?

Отмахиваюсь от глупых мыслей. Тут бы со своими проблемами разобраться!

«Нужно до отъезда наколупать дезу на Лейлу, – думаю лениво пялясь на дурацкий браслет.

Красивая вещица и наверняка ее делал Паша. Чувствуется его рука. Отец любил в изделиях легкое, незаметное глазу, несовершенство, когда идеальный камень вставлен в чуть неправильный круг.

– Так лучше чувствуется ручная работа, – учил он меня, недоумка.

Паша же любил идеальную форму, но иногда мог вставить в нее не самое лучшее содержимое. Какой-нибудь мутный

камень или с изъязном. Они даже из-за этого ругались. В день гибели особенно. А тетка заехала их помирить...

А рассудили спор уже в небесной канцелярии, – усмехаюсь криво, и глянув сначала на часы, а потом на печатающее что-то майора, роняю негромко.

– Я сегодня улетаю в командировку. Надеюсь следственные действия продолжатся без меня.

– Конечно, – устало кивает майор. Пыхтит как чайник. – На экспертизу к кому подъехать?

– Елецкая Любовь Андреевна, – выдыхаю на автомате. – Я предупрежу.

– А это? – внимательно смотрит на меня служивый.

– Моя сводная сестра, – добавляю поспешно. – Отличный специалист. Я ей полностью доверяю.

Говорю о Любе и который раз понимаю, как же тяжело мне с ней расставаться. На час или пару дней. Как вообще я собирался женившись на Лейле, вычеркнуть Любу из дальнейшей жизни? Почему поверил в такую возможность?

Быстро подписываю протоколы допроса и перескакивая через старые мраморные ступеньки бывшего дома купца Афонины, несусь домой. Радуюсь, словно школьник сорвавшийся с уроков. Еще какие-то полчаса и Люба снова окажется в моих объятиях.

А спустившись по узкой винтовой лестнице, в соседнюю квартиру нахожу заплаканную девчонку. Свернувшись калачиком, она лежит на диване. А рядом на журнальном столике

валяется открытой знакомая бирюзовая коробка. Узнаю ее с ходу. Те самые серьги, что я прислал девчонке из Лондона, покоятся в своих гнездах.

Жемчужинка и звездочка, болтающиеся на разных концах тонкой цепочки, прoderнутой сквозь обсыпанную стразиками дугу.

Помню как бродил перед Новым годом по Оксфорд-стрит, выискивая подарки для матери и Миланки, и неожиданно у Тиффани наткнулся на эту незамысловатую милоту. И почему-то сразу подумал о дочери Андрея. Ей уж точно никто подарков не делает.

– Какие же они все-таки красивые! – шепчет моя любимая, кивая на открытую коробку. Приподнимаясь на локте, всхлипывает печально и смотрит на меня глазами полными слез.

– Мы не можем пожениться, Тимур. Пожалуйста, давай оставим эту затею!

Глава 12

Люба

– А что изменилось за пару часов, Любовь моя? – изогнув бровь, насмешливо спрашивает Тимур. – Забодал злобный единорог? Я имею в виду свою мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.